

Воспоминания об архимандрите Феодоре — Александре Матвеевиче Бухареве

Я выросла в доме родителей моих, в атмосфере глубокого почитания отца Феодора — Александра Матвеевича Бухарева, сохранила и яркое личное воспоминание от его светлого облика, хотя видела его только будучи ребёнком.

Отец мой, протоиерей А. А. Лебедев (скончавшийся настоятелем Казанского в Санкт-Петербурге собора в 1898 году), был воспитанником Московской Духовной Академии, но поступив туда в 1854 году, он уже не застал там отца Феодора, а только живое предание среди студентов об этом выдававшемся особым духовным подъёмом профессоре — отец Феодор в эти годы уже был переведён в академию Казанскую. Но в 1858 году отец мой, окончив курс, поступил на место диакона к Екатерининской (что в Екатеринингофе) церкви в Санкт-Петербурге, а вскоре в Петербург был переведён из Казани и отец Феодор на должность духовного цензора. Отца моего, по его желанию, познакомил с отцом архимандритом один ходивший к нам в дом студент-академик, отец которого (отец Богословский) был в те времена священником в Переславле при церкви, кажется, Иоанна Златоуста; отец же Феодор познакомился с их домом ещё в годы своего московского профессорства, потому что приезжал в каникулярное время от Троицы в Переславль гостить и заниматься в тишине в Никитском монастыре у сочувственного ему отца архимандрита Нифонта.

Знакомство бывшего студента с бывшим профессором его академии быстро перешло в духовную близость: отец мой всегда называл отца Феодора Бухарева в числе своих духовных учителей на втором месте после имени митрополита Филарета. Молодые отец диакон с женою ходили пешком со своей окраины в далёкую Александрово-Невскую Лавру, где в низеньком флигеле полагалась квартира цензорам. Посещал их и отец Феодор. Мать моя говорила мне, что семейным счастьем своим она обязана отцу Феодору: ей пришлось выйти замуж неожиданно, под ударом горя от быстрой потери холерой умершего любимого отца, выйти за незнакомого, из Москвы привезённого для занятия отцовского места жениха, между тем как у неё уже успела наметиться местная сердечная симпатия, — и вот отец Феодор своими наставлениями о том, как христианские супруги в браке своём должны осуществлять взаимоотношения Христа и Его Церкви, раскрыл перед нею светлую духовную силу христианского брака. Мать моя рассказывала, что отец Феодор, писавший таким тяжёлым слогом, говорил так просто, что младенец мог понять его.

Мать моя носила от усердия своего почитания посильные гостинцы, вроде какой-нибудь банки к чаю сваренного варенья, но усердие её огорчалось тем, что гостинцы скушивались какими-нибудь неделикатными посетителями, и ещё у отца архимандрита, пребывавшего в сфере духовных задач и интересов и в прочем младенчески непрактичного и забывчивого, властно распоряжался всем его келейник и, должно быть, в значительной степени присваивал приносившиеся лакомства.

Основную идею отца Феодора, которою он жил, которую неустанно проповедовал и за которую потерпел гонения, была — необходимость для нас, православных христиан, проводить наше христианство в жизнь мирскую и общественную; мы, русские, высоко ценя и храня идеалы аскетические, успокоились на их отвлечённом почитании, и свою мирскую жизнь

**Лебедева, Е. А.* Воспоминания об архимандрите Феодоре — Александре Матвеевиче Бухареве, погребённом в городе Переславле Владимирской губернии на Борисоглебском кладбище / Е. А. Лебедева. — 1920-е годы. — С рукописи.

оставили управляться естественными началами и инстинктами человеческой природы; так получилось у нас раздвоение жизни: духовные, христианские задачи отнесены были нами к жизни монашеской, а мирская жизнь была нами оттолкнута в язычество. Отец Феодор болел этим нашим недугом, он неумолчно проповедовал, что мы, зовясь христианами, уже права не имеем содержать или принимать что бы то ни было помимо Христа: наука, искусство, литература, брак, семья, самые удовольствия и игры нашего отдыха должны освещаться в нас воззрением ко Христу. Поэтому он уделял много внимания выходявшим в его время произведениям словесности, следя в них или указывая им пути христианской мысли. Духовное начальство находило его неподходящим для монаха, а главное, против него вооружился в этом его направлении редактор «Домашней Беседы» В. Аскоченский, из типа тех духовных ревнителей, которые мнят себя высоко благочестивыми за то, что умиляются на духовные идеалы, требуя их осуществления от монашества и духовенства, свою же жизнь, как мирскую, считают свободной от этой повинности.¹ На защиту отца Феодора выступил и отец мой анонимной статьёй «Приёмы, знания и беспристрастие в критическом деле редактора «Домашней Беседы» В. И. Аскоченского». Разгорелись журнальные споры. Духовное начальство, чтобы прекратить их, хотело наложить на отца Феодора молчание во имя его монашеского обета послушания. Тут же воспрещено ему было печатание его «Исследований Апокалипсиса», завершавших курс его лекций по Священному Писанию и уже начатых печатанием. Отец же Феодор считал свою идею о проведении Христовых начал в жизнь светского общества настолько насущно-потребною, что применял к себе слова: «горе жить, если не благовествую». На требование молчания во имя монашеского послушания он отозвался решимостью снять сан: он разумел это так, что отдаёт свой обет принявшим его обратно, а перед Господом свой обет духовно сохранит во всецелом служении Ему.

Отец Феодор был уволен от должности цензора и послан в число братства Переславского Никитского монастыря; здесь находился он с 1861—63 г., выписал в Переславль и матушку свою — вдову диаконницу Марфу Бухареву, поместив её в Фёдоровский женский монастырь; здесь она и скончалась в марте 1862 г., и сын отпевал её. При её жизни он нередко приезжал сюда, и одна старая монахиня рассказывала мне, как он горячо молился: она видела, как после него, преклонённого, на полу осталась лужа слёз.

Сюда же летом 1863 г. приезжали к отцу Феодору мои отец и мать уговаривать его не снимать сан; (пошли тогда в Переславль по шоссе от Троицы, а у Троицы отец мой часто бывал в родной своей Академии, так как большинство летних каникул семья наша гостила в Хотькове у деда моего протоиерея Алексея Лебедева). Мать моя рассказывала мне, что при отъезде их отец Феодор целую версту провожал их, идя рядом с ехавшей подводой до самой Никитской часовни, и на доводы отца уже только молчал и плакал, — ему тяжело было, что даже самые близкие друзья, какими были мои отец и мать, не понимают его. Он считал, что один только человек понимал его, это бывший его ученик, студент Казанской Академии, носивший в это время уже сан священника, отец Валериан Викторович Лаврский.² Но последний признавался потом вдове Бухаревой, что и он тогда не сочувствовал отцу Феодору в снятии сана, а только молчал и не возражал. Так одиноко вступал отец Феодор на свой убеждённо избираемый путь.

Ещё в Петербурге, говоря предположительно о снятии сана, отец Феодор говорил: «Если я сниму сан, то и женюсь»; — он, проповедовавший о неуклонной необходимости освящать христиански и мирскую жизнь, хотел сам отныне войти в среду и условия её. Глубоко почтенная игуменья Фёдоровского монастыря Евгения рассказывала мне, что в те времена гостила у тётушки-игуменни её, матери Евгении, родная сестра Олимпиада Ивановна, кроткая и милая девушка, что отец Феодор, подавший уже прошение о снятии сана, обратил на неё внимание, и девушку немедля услали домой (потом она была просватана за одного кандидата в священство города Владимира, но умерла невестой от чахотки). В чём выразилось внимание отца Феодора, мать Евгения не рассказала, — возможно, что отец Феодор, обладавший большою психологическою чуткостью и пониманием людей, просто, безотноси-

¹История этих нападок подробно изложена профессором П. В. Знаменским: *Знаменский, П. В.* Богословская полемика 1860-х гг. об отношении православия к современной жизни / *П. В. Знаменский.* — Казань, 1902.

²Скончался в текущие 20-е годы заслуженным соборным протоиереем города Самары.

тельно к себе, оценил светлый облик девушки и напугал этим непримиримо относившуюся к его выходу из монашества игуменью; но возможно, что отец Феодор, идя в свой новый путь, действительно усмотрел в девушке человека, способного войти в его образ мыслей и стать рядом с ним.

Разделить с отцом Феодором его новый путь пожелала другая девица — 23-летняя Анна Сергеевна Родышевская. Родышевские были потомками одного польского выходца, но вполне обрусевшими, так что уже писали свою фамилию через «о» вместо прежнего «а», чтобы она менее походила на польскую; все они были помещиками; отцу Анны Сергеевны Сергею Ивановичу принадлежало имение Вашутино. Сверх того, Сергей Иванович и служил, — был, кажется, и исправником, и предводителем уездного дворянства, и потом мировым судьёй. В ранние годы, на первой, должно быть, должности своей прославился он вскрытием заглушённого было дела по истязанию крепостной женщины, причём по его настоянию вырыто было для следствия тело замученной. Всё местное дворянство отшатнулось тогда от него за то, что он не покрыл чести своего сословия; но к нему приехал подать и позвать ему руку помещик из Нагорья граф Г. Спиридов, и с этого времени их семья связала тесная дружба.

В 1848 году Анна Сергеевна, которой было только восемь лет, осиротела от матери, умершей сильной холерой одного известного года. Отец мало занимался сам воспитанием девочки; — после резкого приступа горя от потери любимой жены, он стал увлекаться другими женщинами, и кроме того стала сказываться в нём слабость к вину, которая к концу жизни выросла уже в определённую страсть. Девочка целыми периодами росла в семье Спиридовых, где при детях была гувернантка и она могла пользоваться уроками последней. Анну Сергеевну два раза отдавали и в один из петербургских институтов, но из младших классов её скоро пришлось взять после случившегося заболевания, кажется, скарлатиной, и потом она побывала только в одном или двух последних классах, — своеобразность её природы и душевного уклада, некоторая беспорядочность домашнего воспитания делали для неё рамки институтской жизни неприемлемыми, — ей многое в институтской жизни чувствовалось фальшью; с подругами тоже она мало сходилась.

В 18 лет с Анной Сергеевной произошёл душевный кризис: её товарищ детства, молодой студент Спиридов дал ей прочесть модную тогда книгу «Материя и сила» Бюхнера. А. С. рассказывала про себя, что она в воспитании своём получила очень мало религиозного развития, и то одностороннее: ей рассказывали о страданиях Христовых, о страданиях мучеников, и христианство представлялось ей в освещении мрачном и строгом; она, конечно, участвовала в обычном строе церковной жизни, но это длилось по привычке, механически, духовных устоев за этим не было, и материалистическая книга потрясла здание души до оснований. А. С. нервно захворала; она бросалась отцу на грудь, рыдая, и не находила себе места. Когда потом она пожаловалась своему товарищу: «Какую вы мне книгу дали, я с неё захворала», — студент Спиридов с юношеским самодовольством выразил: «Не диво, что захворали — от этой книги стреляются». — Освежающим впечатлением сказало ей прочитанная позднее «Илиада» Гомера, — это творение, дышащее гармоничною человечностью мировоззрения, в значительной степени возвратило А. С. душевное равновесие.

Но когда в Переславль в Никитский монастырь приехал отец Феодор и стали говорить о его замечательной личности и о силе и одушевлённости его бесед, С. И. Родышевский повёз к нему дочь свою для религиозного на неё воздействия. «И в первый раз, — рассказывала Анна Сергеевна, — христианство раскрылось мне из его речей светлой своей стороной и во всём своём величественном строе, — я нашла ответ на все подымавшиеся во мне вопросы». — И А. С. всей силой молодой души предалась наставнику.

Когда же поднялось дело снятия им сана, «я, — рассказывала она далее, — подумать не могла, как будет он, одинокий, непрактичный, житейски-наивный как дитя, как будет он отдан на обустройство всех четырёх ветров!»

И вот однажды, при разговоре, где ему можно будет жить (столица и места прежней его службы воспрещались ему), А. С. сказала ему: «Где будете вы, там буду и я!» — Тогда он сказал ей на это: «В таком случае, нам лучше пожениться». — Так свершился шаг, за который отшатнулись от него даже многие друзья его. Большинство поняли его женитьбу как духовное падение, как романтическое увлечение; лучшие люди, знавшие его нравственный облик, обвиняли его всё же за произведённый соблазн. Он на это тихо возражал:

«Соблазн Креста». — Его жизнь после снятия сана была, действительно, крестоношением: не только то, что бросали камни в окна церкви, в которой он венчался в Переславле, что мальчишки Фёдоровской слободы бросали в него комьями грязи, крича: «Расстрига, расстрига!» — не только то, что лучшие люди отвернулись от него, запирали перед ним дверь, не приказывали принимать, — самое тяжёлое было то, что самая цель, для которой он пожертвовал всем, — материальным устройением, общественным положением и почётом, — и принял на себя в глазах людей позор расстрижения, — цель проповедовать свою задушевную идею, — эта самая цель стала уходить у него из рук: духовные журналы перестали его печатать, светские, вроде «Сына Отечества», по миновании скандала, перестали им интересоваться, издаваемые при помощи друзей сочинения его расходились туго, а его самого, от молодых лет болезненного, подтачивала чахотка.

В молодости и мне самой казалось жаль, что он снял монашество и что женился, мне казалось верным то, что говорили многие: что он лучше бы мог проповедовать свои идеи, сохранив свой сан и звание. Только уже в зрелые годы поняла я, что это не так. Я поняла, что как снятие сана, то есть собственно выход из монашества, сопряжённый со снятием сана, так и женитьба и брачная жизнь были печатью, скрепившею его проповедь; а его душевное изнеможение, сказавшееся в последнем его письме к моему отцу, где слышится горечь — не личной оставленности, а неуспеха тех мыслей, в которых он видел спасение гибнущему среди людей делу Христовой истины, — эта горечь была необходимым завершительным моментом Крестоношения.

Кончина его 2 апреля 1871 года в Пасхальную пятницу была уже светлою кончиною праведника,¹ и тот самый Переславль, который восемь лет тому назад бросал камни в окна, весь пришёл проститься с почившим, который пять или шесть дней лежал неповреждённо в гробу, потому что вдова ожидала приезда моего отца на похороны, — но отцу из-за законоучительских экзаменов приехать так и не удалось; мы приехали в Переславль семьёй уже только к сороковому дню.

Игуменья Евгения, человек глубоко почтенный, рассказала мне следующее. — Настоятель Переславского Данилова монастыря был во время кончины Александра Матвеевича Бухарева архимандрит Иларион, человек строгого аскетического духа, он рассказал ей, что он по кончине Александра Матвеевича сорок дней совершал по нём поминовение и в ночь сорокового дня увидал поминаемого во сне, — он пришёл к нему в своём светском одеянии, но всё оно, и сюртук, и картуз в руке, были светлые белые, а вокруг на картузе крупные брильянты. «Он, — говорил отец Илларион, — молча мне поклонился, и я ему; а проснувшись я понял, что он приходил благодарить меня за поминовение». Услышав этот рассказ, я подумала: брильянты, это — чистые слёзы его крёстного пути.

В конце 63-го или в начале 64-го года А. М. приезжал к моему отцу в Петербург уже с женою своею. Дядя мой, протоиерей Преображенский, рассказал мне такой разговор. Они с товарищем своим Вл. Вл. Богословским (из Переславля) ходили по праздникам студентами из Духовной Академии в наш дом. Когда приехали Бухаревы, Богословский сказал Александру Матвеевичу: «Спасибо вам, Александр Матвеевич, что вы, снявши монашество, пробили в нём брешь». Александр Матвеевич помолчал немного и потом с глубокой серьёзностью сказал: «Как печально мне, что так понимает мой шаг воспитанник Духовной Академии. Я не только не желал бы облегчить выход из монашества, я бы его ещё затруднил».

Приезд А. М. к нам в Кронштадт в 1867 году я уже немного помню. Отец мой был тогда законоучителем в Штурманском Училище. Помню, как Анна Сергеевна во время беседы А. М. с моими отцом и матерью сидела на ковре у ног его. Помню, что мать моя благоговейно чтившая А. М., несколько тяготилась в хозяйственном отношении Анной Сергеевной, потому что та, долго засиживаясь, поздно вставала и ещё, куря, роняла пепел вокруг себя.

¹Письма отца Феодора к моему отцу и письмо Анны Сергеевны с подробным описанием последних дней и кончины Александра Матвеевича напечатаны в «Богословском Вестнике» в юбилейном номере октябрь—ноябрь—декабрь 1915 г. Последнее, то есть письмо о кончине, написано было другому другу — отцу Аристарху А. Израилеву в Ростове с просьбою переслать копию моему отцу.

Помню, как были мы раз в Москве, у них на квартире. Особенно помню их заезд к нам в Хотьково, где мы гостили лето у дедушки. Они заехали между двумя поездами на пути к Троице, и с ними была их единственная малютка Сашенька, умершая 11-ти месяцев от неимения средств на кормилицу, когда у Анны Сергеевны сделалась грудница. Помню удивительные глазки этой малютки, синие и какие-то задумчивые. Тогда дедушка, а за ним и никто из его семьи не вышли к гостям, и я ребёнком почувствовала, что отцу было это тяжело и он чувствовал себя неловко перед дорогими гостями. Конечно, было тяжело и Александру Матвеевичу, потому что мой дед был человек выдающийся по своему нравственному облику, и по характеру радушный и гостеприимный. Но тут и он, конечно, смотрел на выход из монашества и женитьбу Александра Матвеевича как на нравственное падение и не хотел подать этому руки. А Александр Матвеевич говорил Анне Сергеевне, как бы в чувстве извинения: «Анна, а я ведь не могу любить тебя, как ты меня», — разумея, конечно, что с её стороны любовь была женскою любовью.

В «Воспоминании» историка Погодина о его знакомстве с Александром Матвеевичем, Погодин назвал Анну Сергеевну «диаконой». ¹ Думаю, что это обозначение не подходит. Анна Сергеевна умом своим и подъёмом, какой даёт любовь, усвоила в точности идеи и мировоззрение Александра Матвеевича, но в одно она не проникла, это — в его «духовное делание», в его жизнь в Боге и во Христе. Живя умственной жизнью, до старости живо интересуясь умственными вопросами, она как-то оставалась чуждою нравственным задачам — самоуглублению, работе над собой. Вероятно, это было была лёгшая на неё печать 60-х годов, с нею она осталась и на всю жизнь. Страстная как в симпатиях своих, так и в антипатиях, с приподнятым самолюбием, вероятно, вследствие той травли, которую приходилось выносить и ей, идя рука об руку с Александром Матвеевичем, она чужда была той душевной чуткости и деликатности, того вынесения немощей ближних на себе, каким жил Александр Матвеевич. И в этом отношении она своими столкновениями с людьми, вероятно, не раз отягощала крест его. Но она, с другой стороны, действительно, много дала ему, — не то только, что она бросила своё обеспеченное положение и пошла за ним в бедность и, можно сказать, в позор, — главное то, что она дала ему беззаветно преданное сердце, и на своём тяжёлом одиноком пути он у себя дома имел любящую, верную подругу своим интересам, своим чтениям.

Но и он выносил её немощи на себе, и силою его влияния она не попала на современный тогда путь нигилистического отрицания и осталась верна религиозному мировоззрению.

И я, хотя мне было только десять лет, когда Александр Матвеевич умер, считаю себя много обязанною его светлому влиянию, которое испытывала я через моих родителей, — ему считаю я себя обязанною за раскрытие той светлой радости христианского мировоззрения, которая помогает проходить через трудности жизни.

P. S. Если кто будет читать эти мои наброски, прошу извинить меня за нестройность, отрывочность и даже сбивчивость изложения, — писала спеша и урывками.

¹Погодин, М. Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве. (Архимандрит Феодор) / М. Погодин. — М., 1874. — С. 15. — *Ред.*